ОГЛАВЛЕНИЕ

После **11**

Четыре месяца назад **13**

Эпилог. Девять месяцев спустя **446**

Джолоф Ронке 449

Тушеная курица Ронке 451

Мойн-мойн тетушки Кей 453

Дополнительные рецепты для читателей «Уотерстоунс» . . . 455

Келевеле Ронке 455

Спагетти путанеска от Ронке 457

Благодарности **459**

Для Питера. Эта книга наполовину твоя. Она наша.

Топор забудет, но дерево — запомнит.

Африканская пословица

ПОСЛЕ

Хватит ли мне сил?

В углу спальни сжалась в комочек женщина. Платье разорвано, пуговица потерялась, пояс — в клочья. Рукав разошелся по шву, оголяя плечо.

В руках она сжимает голову от скульптуры. По размеру та чуть меньше, чем настоящая. Женщина пристально смотрит в неподвижные глаза, будто думает, что голова вот-вот оживет. Ей хочется, чтобы скульптура заверила: она ни в чем не виновата. Что она не могла поступить иначе. Что это она здесь — жертва.

Но голова-то латунная. И не может говорить.

Руки дрожат, когда она осторожно кладет голову на ковер. Придерживая полы разорванного платья, тяжело поднимается на ноги.

Хватит ли мне сил?

Она знает ответ. Правосудие должно свершиться.

Женщина поднимает трубку.

«Помогите... пожалуйста...»

Четыре месяца назад

1

РОНКЕ

Толченый ямс и *эгуси*[*]? *Эба*[**] и окра? Нет, пусть будет ямс. Может, взять с *эфо риро*[***]? Ронке мысленно пробежалась по меню, поднимаясь по склону к «Бука». Она, конечно, знала все блюда наизусть, но даже так выбирать все равно не легче. Как всегда, она хотела всего.

И, как всегда, опаздывала, а потому следовало торопиться. Но пришлось задержаться у банкомата, чтобы снять сто фунтов. Девочки смеялись, мол, все это выдумки, но с тех пор, как Ронке услышала историю про подругу родственницы Сими — что в «Бука» у нее взяли карту и сделали дубликат, — платит только наличными.

Ронке ждала обеда в нигерийском ресторане всю неделю. И вовсе не из-за еды! Впервые за долгое время на вопрос о том, что у нее новенького, она не ответит: «Да ничего».

---

[*] Густой суп-пюре с семенами тыквы. Здесь и далее примечания переводчика и редактора.

[**] Круто заваренная мамалыга.

[***] Нигерийский овощной суп.

Ронке пробежала мимо супермаркета «Сейнсберис Локал», мимо турецкого продуктового магазинчика и тайской студии маникюра. Над «Бука» висел нигерийский флаг, и выглядел он уже не очень хорошо — края все пообтрепались. Зеленый цвет был по-прежнему ярким и сочным, а вот белый превратился в грязно-бежевый. Ронке взглянула на свое отражение в зеркальной двери, немного вспушила кудри и пригладила некоторые волоски, чтобы не торчали. Блестяще! Кто-нибудь точно да скажет сегодня: «Хотела бы я такие же». Но Ронке-то знала, что такое кудри: это когда волосы топорщатся в разные стороны и вечно путаются. Она толкнула дверь и шагнула из пригорода Лондона в центр Лагоса*.

Сначала в нос ударил сильный запах: жженое пальмовое масло, жареный перец и несвежая вяленая рыба. Потом оглушил шум: из динамиков вопил Фела Кути**, перекрикивая трех мужчин за угловым столиком, — они о чем-то живо переговаривались. А поскольку ресторан был настоящим нигерийским, говорили они громко, с выраженным акцентом и активно жестикулировали.

Официант угрюмо посмотрел на Ронке. Закрывая за собой дверь, она точно знала: сейчас он будет сверлить взглядом ее задницу. Сразу чувствуешь себя как дома.

Ронке заметила Сими, увлеченную разговором с роскошной незнакомкой. Это здорово разозлило Ронке. «Только ты и я», — так ведь сказала Сими? С длинными,

---

* Город в Нигерии, бывшая столица.

** Нигерийский музыкант и композитор, один из основателей жанра афробит.

подтянутыми руками и ногами, сияющей темной кожей женщина была словно изящная статуэтка. Профиль показался Ронке знакомым — на мгновение она даже подумала, что точно ее знает. Но стоило лишь моргнуть — и сходство исчезло. У нее нет знакомых, кто заявился бы на обед с таким декольте. Или у кого были бы такие роскошные светлые локоны.

Протискиваясь между столов прямо к ним, Ронке постаралась заглушить раздражение. Мужчины замолчали и уставились на нее. Она неосознанно втянула животик.

Сими встала и приветливо улыбнулась. Не любить Сими просто нельзя! Смотрит она на тебя — и начинаешь верить, что ты единственный человек в мире, кого подруга действительно хочет видеть. Точно так же Сими улыбнулась Ронке семнадцать лет назад, когда они познакомились в Бристоле в первую неделю учебы. Эти зубы, ямочки на щеках, радость и лучезарная улыбка.

— Ронкс! Это Изобель. Она тебе точно понравится, — сказала Сими и встретила Ронке с распростертыми объятиями.

«Ну, с этим я бы поспорила», — подумала Ронке. Она прильнула к Сими, а затем с натянутой улыбкой повернулась к чужачке, чтобы поздороваться. Но все же на троих можно взять побольше закусок. Хорошо бы и этой Изобель тоже вложиться.

Пока Ронке разматывала шарф, Сими наполняла ее бокал.

— Шампанское? — удивленно спросила Ронке. — Мы ведь всегда берем розовое вино.

«К тому же розé не сорок фунтов за бутылку», — подумала она, но промолчала.

Сими пихнула ее коленом под столом.

— У Изо аллергия на дешевые вина. А еще у нас есть повод.

— Мы празднуем мой развод, — сказала Изобель, поднимая бокал. — Давайте выпьем за это, а еще за друзей — старых и новых!

Ронке подумала, что очень странно праздновать такое событие, но улыбнулась — и все чокнулись бокалами.

Официант кинул на стол тяжелые меню: стопки ламинированных страниц, уложенных в папки из искусственной кожи. Ронке ужасно нравилось старомодное меню, которое можно было долго листать. С орфографическими ошибками и уродливыми шрифтами, без модных словечек «сезонный», «местный» и «экологически чистый». Она погладила меню — и на нее нахлынули воспоминания, отголоски долгих семейных обедов в «Апапа Клаб»*.

— Чего брать будете? — спросил официант, хмуро глядя на них.

— Принесите еще, — ответила Изобель, указывая на пустую бутылку шампанского. Официант насупился сильнее.

— Спасибо! — крикнула ему вслед Ронке. Ей всегда хотелось как-то добавить любезности в диалоги с персоналом. Даже если они грубят.

---

* Ресторан и ночной клуб в Лагосе, Нигерия.

— Изобель неприлично богата! — воскликнула Сими. — Но она очень любит разбрасываться деньгами, так что я ее прощаю.

Ронке невольно рассмеялась и спросила:

— Как вы познакомились?

— О, мы познакомились, когда нам было по пять лет, — ответила Сими. — Единственные *полукровки* в классе...

— Сими, не произноси это слово! — возмутилась Ронке.

— Ой, да брось, это же так и есть. В Лагосе все нас так называют.

— В Лос-Анджелесе о подобном даже подумать страшно — а не то вас отправят на курсы по проблемам расовых отношений, — сказала Изобель и погладила Сими по руке. — Как хорошо, что ко мне вернулась моя *алобам*[*].

— Вот, и мы сразу же приметили друг друга. Ты же знаешь, как это бывает, когда замечаешь еще одного человека *смешанной расы* в Лагосе, — продолжала Сими. «Смешанной расы» она выделила кавычками, показав их пальцами. — В первый же день Изо побила мальчика. После этого мы стали неразлучны.

— Он получил по заслугам, — сказала Изобель. — Какой-то мелкий говнюк посмел называть тебя шавкой. Подумаешь, слегка ударила.

---

[*] Слово alobam появилось у игбо, народа в юго-восточной Нигерии. Сейчас его используют для описания очень верного и отзывчивого человека, который готов на все ради друзей.

— Ты выбила ему два зуба, — уточнила Сими.

— Он нас оскорбил! В любом случае это ведь сработало, — улыбнулась Изобель. — Потому что после этого нас никто не донимал.

Ронке пыталась понять, какой у Изобель акцент, но у нее не получилось.

— Твоя мама американка? — спросила она.

— Нет, русская. Мой отец работал в Москве, там-то они и познакомились.

Изобель положила ладонь на руку Ронке. Ее ногти были насыщенного синего цвета, длинные и заостренные.

— Расскажи о себе? Я хочу знать все.

Ронке все крутила в руках шарф, поглядывая по сторонам: когда же придет официант? Она не любила говорить о себе.

— Моя мать британка. Я родилась в Лагосе, но мы переехали, когда мне было одиннадцать. А вы смотрели меню?

— Ронке — самый лучший стоматолог в Лондоне! А еще она шикарно готовит, — вставила Сими.

— О, нет, это не так! — принялась отнекиваться Ронке. Как бы ей хотелось, чтобы Сими перестала болтать, как перевозбужденный пиарщик! — Но поесть я люблю, это правда. Надо сделать заказ, а то ждать еще — здесь долго готовят.

Сими пропустила ее слова мимо ушей и сказала:

— Она правда идеальна. Но вот выбирать мужчин не умеет.

Ронке стиснула зубы и стала высматривать официанта.

Изобель хлопнула в ладони и широко заулыбалась.

— О, я тоже! Я знала, что мы с тобой поладим. Тоже западаю на плохих парней.

— Кайоде не плохой, — ответила Ронке, взглянув на Сими и потянув себя за кудряшку.

— Мне так нравятся твои волосы, — сказала Изобель. — Как у тебя получаются такие локоны? Это твои, настоящие?

Ронке снова строго посмотрела на Сими, а затем ответила Изобель:

— Да, мои.

— А эти — нет, — заявила Изобель, перебрасывая свою светлую шевелюру с одного плеча на другое.

«Да неужели?» — подумала Ронке. Новая знакомая ей не нравилась.

— Давайте закажем еду, я сейчас умру от голода.

— Скорее! Если Ронке голодна, нам ой как достанется. Еще возьмет эти замызганные меню и надает нам по заднице!

Ронке похлопала по меню, пытаясь утихомирить очередной приступ раздражения. Вообще-то голод — это серьезно. На прошлой неделе она читала об этом статью в «Сандей Таймс».

— Я отказалась от углеводов — ну, кроме вина, — сказала Сими. — Я возьму рыбный суп с перцем.

— Никаких углеводов в нигерийском ресторане? — Изобель пискляво и звонко засмеялась. — Да ты, оказывается, белая! А вот я возьму *амалу*[*] и *огбоно*[**]. И мясное ассорти.

---

[*] Мамалыга из ямса.

[**] Традиционный нигерийский суп из молотых семян огбоно, или дикого манго.

— Я возьму джолоф* с курицей, — пробормотала Ронке. В компании такой стройной и очаровательной женщины, как Изобель, брать ямс не хотелось.

— А закуски брать будем? — с надеждой быстро добавила она.

Изобель и Сими только ковырялись в еде — уж очень были заняты болтовней о старых добрых временах. Они вспоминали детство в Нигерии: бассейны, пляжные клубы, кондиционеры, водители, горничные...

Ронке же помнились шумные семейные посиделки, острая уличная еда, как отключали электричество, ломались машины, а сама она играла в пыльном дворе с двоюродными братьями и сестрами.

Ронке ела и слушала. У Сими была одна большая серьга в ухе, отчего ее лицо выглядело немного несимметричным. А вот у Изобель, напротив, все было гармонично: плечи отведены назад, голова приподнята, на лбу светлая, идеально ровная челка.

Изобель лишь немного попробовала блюдо и отодвинула тарелку. «Не глазей ты так», — мысленно твердила себе Ронке, пытаясь побороть желание подцепить вилкой кусочек ее *шаки***. Джолоф оказался так себе — все-таки надо было заказать ямс. Слава богу, что она собирается взять еды навынос.

---

* Рис по-нигерийски с томатным соусом.

** Блюдо из говяжьего рубца.

Официант отошел от телевизора, медленно добрел до их столика и забрал посуду. Ронке смотрела, как он плюхает ее пустую тарелку поверх тарелки Изобель, где еще оставалось немного *амалы*. Как же жалко!

У Изобель зазвонил телефон.

— Мне пора, водитель уже приехал, — сказала она. — Я угощаю!

И пошла оплачивать чек, плавной походкой скользя мимо шумной мужской компании.

Один из них ел *эбу* и *эгуси* традиционным способом — руками, а не приборами. Он перестал разговаривать, облизал пальцы и крикнул Изобель вслед:

— Привет, сладенькая! Эй, мулаточка! Не хочешь подойти к нам и поздороваться, а?

Ронке застыла. Сими ойкнула. Но Изобель даже бровью не повела. Она лишь подмигнула и еще более развязно зашагала обратно к столику. Она наклонилась обнять Сими, послала Ронке воздушный поцелуй и только потом ушла, хлопнув дверью.

— *Na wa, o*!* — вскрикнула Ронке.

— В этом вся Изо, — поддакнула Сими.

— У нее свой водитель? В Лондоне?

— У ее отца деньги-то водятся, он очень богатый человек. Работал в правительстве, а еще бизнесом занимался. Узаконенная коррупция — ну, ты знаешь. Мой папа был у него адвокатом, но они сильно рассорились. Изо прошла через ад, поэтому отец ее очень оберегает.

---

* Какой ужас! Серьезно? (йоруба)

— Какой ад? Что с ней случилось?

— Ее бывший муж — мутный тип. Из тех, кто любит все контролировать. Вот он был такой: говорил ей, что носить, с кем видеться, как тратить ее собственные деньги! Обращался с ней как с дерьмом. Кажется, он правда был очень жестоким человеком, просто мне не хотелось лезть не в свое дело.

— Как-то на тебя не похоже.

Сими подняла руки, протестуя.

— Она просто едва не плакала! Я не хотела выпытывать подробности.

Ронке попыталась представить Изобель плачущей, но не вышло.

— Странно. Она выглядит такой самоуверенной, такой... сияющей.

— Ронкс, ты же знаешь, как это все на самом деле. Мы все надеваем маски. Я думаю, отец спас ее, вытащил оттуда. Потому и появился Борис. Водитель и по совместительству телохранитель.

— Борис? Шутишь, что ли!

— Ладно-ладно, это я придумала! Но Борис ему правда подходит — он большой, а еще русский. — Последнее слово Сими произнесла с ужасным русским акцентом, и подруги расхохотались.

— Мне нужно взять тут еды для Бу, — сказала Ронке. — У них с Дидье какие-то размолвки. Я собираюсь к ней, пошли вместе? Будет весело!

— О, нет, я пас. Я уже утром говорила с ней по телефону, слушала эти «о, какая я несчастная», «я все для него делаю».